АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

СОВРЕМЕННЫЯ СКАЗКИ

1-ый выпускъ.

Сказка объ Иванѣ-мужикѣ и Петрѣ, запорожскомъ казакѣ.

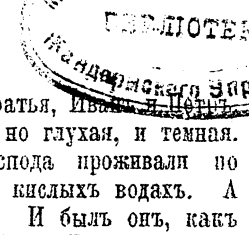
Издаются авторомъ въ пользу рабочихъ, пострадавшихъ въ петербургскомъ январьскомъ возстаніи.

ЖЕНЕВА.
Типографія Бунда.
Imprimerie israélite, Rue de Carouge 81, Genève, Suisse.
1905.

„Пров 49“

224589.

СКАЗКА ОБЪ ИВАНѢ-МУЖИКѢ И ПЕТРѢ, ЗАПОРОЖСКОМЪ КАЗАКѢ.



1

Жили-были два мужика, родные братья, Иванъ и Петръ. Деревня ихъ была, хотя огромнѣйшая, но глухая, и темная. Время стояло крѣпостное, лютое. Господа проживали по столицамъ, либо на теплыхъ моряхъ, на кислыхъ водахъ. А надъ мужиками верховодилъ управитель. И былъ онъ, какъ водится, нѣмецъ. И былъ правомъ звѣрь. Выла отъ него вся деревня, такъ что даже сосѣди удивлялись: какъ это господа не слышатъ и почему они того изверга не прогонятъ?

Собрались однажды мужики, всѣмъ ончествомъ, по тайну, на сходку, въ рощѣ, за деревнею, посовѣтоваться между собою. что же это, наконецъ, за жизнь ихъ стала, и какъ имъ нести ее впредь? И всѣ ругали и проклинали нѣмца. И всѣ, ругая и проклиная, оглядывались другъ на друга: не предашь ли, братъ? И всѣ, въ одинъ голосъ, причитали:

— Ахъ, расподлецъ ты души своей, чертовъ нѣмецъ! Еслибы только наши добрые господа знали, каковъ ты, идолъ, на свѣтѣ живешь!

А мужикъ Иванъ, — какъ былъ умнѣе прочихъ и, къ несчастію, будучи обученъ дьячкомъ Кутейкинымъ грамотѣ, развратился отъ младыхъ лѣтъ чтеніемъ сокращенной исторіи Кайданова, — прибавлялъ еще съ дерзновеніемъ:

— Безпремѣнно надо намъ смиреннѣйше и почтительнѣйше просить нашихъ добрыхъ господъ, чтобы они этого свирѣпаго нѣмца отъ насъ убрали и впредь бы никакихъ нѣмцовъ намъ не присылали, но пусть всемилостивѣйше рѣшатъ намъ управляться бурмистрами изъ собственныхъ выборныхъ. Ибо всякій нѣмецъ есть басурманъ и человѣкъ пришлый, а мы люди земли. И, коль скоро добрые господа наши соблаговолятъ къ униженнѣйшей просьбѣ нашей снизойти, то устроится у насъ, съ великодушнаго разрѣшенія добрыхъ господъ нашихъ, такое „сѣверное народоправство“, что и Новгороду, и Пскову въ носы ткнетъ, и Николаю Ивановичу Костомарову на томъ свѣтѣ радостно икнется!

Такъ смѣло говорилъ Иванъ, что сперва опчество даже испугалось было: не переодѣлся ли Иваномъ Михайло Александровичъ Стаховичъ? Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, опчеству мужественныя Ивановы слова ужасно какъ понравились, и все опчество принялось Ивана за справедливость его хвалить:

—Ухъ, голова у насъ Иванъ! Ухъ, умная голова! Отчаянная голова! Одно слово: Мининъ и Пожарскій, башка съ кипиками, — вотъ какая голова.

Иванъ же, укрѣпляясь сочувствіемъ опчества, продолжалъ:

— Главное теперь, чтобы почтительнѣйше и преданнѣйше довести это мудрое и законное ходатайство наше до свѣдѣнія нашихъ кроткихъ и справедливыхъ господъ. Ибо всѣ наши несчастія истекаютъ изъ того, что Богомъ данные господа наши никогда и ничего о нихъ не знаютъ. Когда же узнаютъ, то, несомнѣнно, не замедлятъ неудобства житія нашего прекратить и дадутъ намъ управляться, какъ мы сами того желаемъ. Тѣмъ болѣе, что, въ концѣ концовъ, это имъ же выгоднѣе — нашимъ добрымъ и великодушнымъ господамъ.

— Вѣрно! возопила громада. Молодчина Иванъ! Плевако Иванъ! Имъ же выгоднѣе! Только бы довести до свѣдѣнія! Почтительнѣйше и смиреннѣйше! Не замедлятъ прекратить и учредить!

И лишь меньшой братъ Ивановъ, мужиченко Петръ, — бобыль опыта горькаго и жестокаго и характера скептиче-

скаго, — не вопилъ и не восторгался, но, вытянувъ впередъ руки, сложилъ персты свои въ двѣ ядреныя дули и твердилъ:

— Чорта съ два! Вотъ что вы отъ господъ за почтеніе и смиреніе ваше получите! Держите карманъ шире, а то просыпете! Чорта съ два! Съ масломъ выкусите! Чорта съ два!

И отозвался о кроткихъ и справедливыхъ господахъ своихъ въ стилѣ столь лапидарномъ, что даже бѣлыя березыньки покраснѣли, а, краснѣя, подумали:

— Есть же, прахъ его побери, выразительныя слова въ этомъ миломъ, славномъ, старомъ русскомъ языкѣ! А еще академія наукъ его реформировать собирается!

А сходка растерялась, и даже вольнолюбивый Иванъ, каковъ ни былъ Мирабо, замѣтилъ Петру съ укоризною:

— Какъ ты, братецъ, это такъ? Развѣ можно? Конечно, если хочешь, господа... они... надо сознаться, съ одной стороны... Но, съ другой стороны... такъ нельзя!!! Надо лойяльно!

Петръ же отвѣчалъ:

На крѣпкомъ словѣ не взыщите, но простая рѣчь моя — въ центру и самая правильная!

Сидѣлъ тутъ за кустомъ въ оврагѣ Петровъ племянникъ, а Ивановъ сынъ, Егорка-цѣловальникъ, продажная совѣсть, процентная душа. Все выслушалъ, — и къ нѣмцу:

— Такъ и такъ, — говоритъ, — имѣю честь лепортовать... Хоша оные злодѣи, къ прискорбію моему, приходятся мнѣ тятеньки и дяденьки, одначе, коль скоро въ томъ есть моя прямая выгода, то — ежели, къ примѣру, тридцать сребренниковъ... усердіе мое къ господамъ и вашей милости завсегда превыше всего!

Нѣмецъ тридцать сребренниковъ отсчиталъ, а донесеніе Егоркино записалъ въ книжку:

— Ладно!

И пошла переборка по отчеству: кого на конюшнѣ драть, кого въ дальнія деревни сослать, кого въ солдаты

сдать, кого заточить въ темные подвалы на хлѣбъ и на воду. Привели и Петра съ Иваномъ. Ивану нѣмецъ сказалъ:

— Ти! Поштительнѣйши и смиреннѣйши! Думаль на мнѣ шальфаться, dummer Kerl?! О, сукинъ сынъ! darfst du warten! Дольшенъ mit ein горькій опытъ познавать, wo jetzt истинные раки зимуютъ!

И разложилъ.

Петру же отъ нѣмца и тѣхъ ласковыхъ словъ не было. Только зубами на него заскрипѣлъ, да возопилъ не своимъ голосомъ:

—Драть ферфлюхте каналья! Драть, драть и... драть!!!

2.

Выдрали Ивана и Петра и повезли на одной подводѣ въ ссылку, въ дальнюю деревню. Иванъ въ телѣгѣ на брюхѣ лежитъ, потому что сѣсть никакъ не можетъ, плачетъ:

— Какой произволъ! Какое необразованіе!

Петръ, — тоже лежа на брюхѣ, по причинамъ отъ него независящимъ, — отзывается:

— Черти!

На каждомъ этапѣ Иванъ повѣствовалъ жалостно, какъ нѣмецъ истязалъ его, и даже показывалъ желающимъ свою изсѣченную спину — и, притомъ, правдивая Кліо добавляетъ: совершенно безплатно! Тѣмъ не менѣе, сочувствіе получалъ недостаточное. Люди слушали, смотрѣли, зѣвали и говорили:

— Это, братъ, мы давно знаемъ, что — которые люди господскіе, завсегда ихъ превосходнѣйше дерутъ... Самихъ, братъ, въ три кнута жарятъ: пробованные! Ты намъ покажи что поновѣе, а спины то мы тебѣ, коли хошь, еще и не такія объявимъ!

Петръ никому ничего не показывалъ, ничего не разсказывалъ; а только знай трясся въ телѣгѣ, лежа на животѣ, да бурчалъ себѣ подъ носъ:

— Черти!

И жили братья въ дальней голодной деревнѣ на голодномъ пайкѣ, и пасли свиней, и питались былiемъ. А, въ промежуткахъ свинопасенія, вели крамольные разговоры.

Иванъ восклицалъ:

— E pur si muove! И, всетаки, она вертится! Главная штука — это: почтительнѣйше и смиреннѣйше привести нашихъ кроткихъ и справедливыхъ господъ къ сознанію, сколь намъ необходимо, а имъ выгодно, чтобы мы управлялись не посторонними нѣмцами, но собственнымъ выборнымъ бурмистромъ!

Петръ же никакихъ мнѣній не высказывалъ, но, какъ затвердилъ, такъ и продолжалъ бурчать одно:

— Черти!

Такъ что Иванъ началъ даже обижаться:

— Что это, право, Петръ? Или у тебя другихъ словъ нѣту?

Петръ задумчиво возражалъ:

— А и то, братъ, никакъ не осталось: всѣ отшиблены.

— Черти да черти... Ужъ и не разобрать иной разъ, кто это черти то у тебя выходятъ!

— Всѣ... вообще... которые...

— Этакъ, пожалуй, и я у тебя скоро въ чертяхъ окажусь?!

Петръ не отвѣчалъ, но въ глазахъ его, — послѣ нѣмцовой порки, совершенно утратившихъ способность быть зеркаломъ души, — мелькали сомнительныя искорки, какъ бы говорившія:

— А ты думалъ: въ ангелахъ?! Кишка тонка!!!

По маломъ времени, довѣдался нѣмецъ-управитель о свиданіяхъ Ивана съ Петромъ и конверсаціяхъ ихнихъ и опять распорядился, чтобы обоихъ нещадно драть. И выдрали бѣдняги Ивана, — ужъ и не знаю, въ который разъ! — и со спины, и съ брюха, — самымъ подлымъ и жестокимъ манеромъ. И плакалъ, и вопилъ бѣдный Иванъ, такъ что опять къ сосѣдямъ было слышно, и опять сосѣди сожалѣли, качали головами и ахали:

— Ну, скажите, чего только съ этимъ несчастнымъ

Иваномъ не дѣлаютъ? Прямо ужасно, какъ онъ сегодня кричитъ! Очень, очень жаль, какъ отвратительно эти люди своимъ нѣмцомъ управляются...

Послѣ экзекуціи Иванъ, по обычаю, пошелъ искать гласности: прохожихъ останавливать и передъ каждымъ заголяться:

— Посмотрите, добрые люди, какое звѣрство: вѣдь меня высѣкли!

Прохожіе смотрѣли и соглашались:

— Дѣйствительно, высѣкли.

— Но вѣдь это же подлость! возмущался Иванъ.

Прохожіе соглашались:

— Разумѣется, подлость!

— Но вѣдь такъ же жить нельзя?

Прохожіе признавали и то, что такъ жить нельзя. Но нѣкоторые прибавляли:

— Вотъ, мы и удивляемся, что вамъ еще въ охоту такъ жить, и зачѣмъ вы такъ живете?

Тогда Иванъ горько трясъ головою, стучалъ кулаками въ грудь, моргалъ слезными глазами и восклицалъ:

— Да! Хорошо говорить!... А попробовали бы вы... Плетью обуха не перешибешь... Вы нашихъ условій и нашей психологіи не знаете!

И, если не шелъ отъ потрясенной психологіи въ кабакъ, то переходилъ къ слѣдующему доброму человѣку — опять искать гласности и опять заголяться:

— Неправда ли, меня высѣкли?

— Да, очень видно, что высѣкли.

— Неправда ли, это подлость?

— Да, ужасная подлость.

— Неправда ли, такъ жить нельзя?

— Конечно, нельзя. И какъ вы только еще живете?

— Ага! Вотъ то то: вы нашей психологіи не понимаете!

Разъ двадцать въ день этакъ заголится и къ вечеру утѣшенъ спать ляжетъ: обрѣлъ гласность — исполнилъ гражданскій долгъ!

3.

Покуда Иванъ-мужикъ, обходя добрыхъ людей, демонстрировалъ свое изсѣченное тѣло, Петръ распорядился собою нѣсколько иначе. Когда сотскій постучалъ подъ окномъ его избушки, что, молъ, иди, другъ Петра, на конюшню сѣчься, — Петръ съ кротостью отвѣчалъ:

— Слушаю. Какъ скоро, такъ сейчасъ!

Но затѣмъ выбрался черезъ другое окно во дворъ, со двора черезъ плетень — въ поле, съ поля — въ рощу, изъ рощи—въ темный лѣсъ... только Петруху и видѣли! И бѣжалъ Петръ, бѣжалъ, покуда не очутился онъ въ вольной степи, у тѣхъ ли славныхъ, удалыхъ запорожскихъ казаковъ. И зажилъ онъ съ казаками въ ихъ Сѣчи вольнымъ казацкимъ бытомъ, а прежнихъ господъ своихъ и нѣмца-управителя только въ недобрыхъ снахъ видалъ и потомъ цѣлыми днями отплевывался. Тоже часто грезился ему и Иванъ-мужикъ — и все грустный такой, все съ попреками.

— Ахъ, братъ ты мой Петръ! Любезный ты мой Петръ! На кого ты меня покинулъ? Для чего ты поддался духу любоначалія, своеволія и мятежа? Для чего оставилъ страждущую въ рабствѣ родину и удалился къ буйнымъ запорожскимъ казакамъ? Сѣкутъ меня, бѣднягу, теперь одного одинешенька, и одинъ хожу я по міру показывать свою драную спину. А—были бы мы, Петръ, вмѣстѣ,—драли бы насъ вмѣстѣ, и показывали бы мы вселенной двѣ драныя спины, что для публики, самъ понимаешь, много чувствительнѣе. А ты не захотѣлъ! плоть свою возжалѣлъ!... Эгоистъ ты, другъ Петръ! не любишь терпѣть... эгоистъ! торопыга! себялюбецъ!... Ты сегодня потерпи, завтра потерпи, послѣзавтра потерпи, денекъ за денькомъ, годокъ за годкомъ, анъ — глядь: терпѣлъ, терпѣлъ, да и дотерпѣлся...

— Чертъ ли тебя двужильнаго, перетерпитъ! скажетъ Петръ и отъ злости даже проснется.

По нѣкоторомъ времени, началъ Иванъ Петру сниться

уже не столь слезный и мрачный, но скорѣе какъ бы радостный: руки въ боки, — оки въ потолоки, — и все хитро-хитро веселыми глазами подмигиваетъ.

— Неужели дотерпѣлся? удивляется Петръ.

А тутъ —какъ разъ и письмо отъ Ивана:

— Милый братъ, какъ есмь я отпущенъ господами въ градъ Кеивъ для поклоненія угодникамъ, то при семъ счастливомъ случаѣ, желаю съ тобою видѣться, а домашнихъ новостей нашихъ имѣю тебѣ разсказать полонъ ротъ.

Обрадовался Петръ, что свидѣлся съ братомъ. А Иванъ предъ нимъ, и впрямь, какъ во снахъ было, гоголемъ ходитъ и ухъ какимъ молодчиною ухмыляется.

— Прежде всего, — говоритъ, — я, милый братъ, приглашаю тебя возвратиться въ нашу деревню, потому что у насъ теперь стоятъ другія времена. Старый управитель померъ: нашелся бравый парень, давай ему Богъ здоровья, — пропоролъ нѣмцу брюхо вилами! И теперь господа посадили намъ новаго управителя. И онъ даже не нѣмецъ, а только въ нѣмцы нанялся. Смирный-пресмирный, ласковый-разласковый... добрѣйшей души господинъ и характера благороднѣйшаго!... И все, за что намъ съ тобою намедни спину стегали, — теперь наплевать: всякому говорить разрѣшается!... Ни розогъ, ни подвала, ни дальнихъ деревень — ничего!... Не житье, а малина!... Пойдемъ-ка, братъ, назадъ? а? Сходокъ чтб у насъ, сходокъ! Каждый божій день на завалинкѣ сидимъ, печатные пряники ѣдимъ, пиво, медъ пьемъ и о выборныхъ бурмистрахъ разговариваемъ... Пойдемъ! Горло у тебя зычное, говоришь красно, — полезнѣйшій будешь намъ человѣкъ. А говорить—вали во всю, что хочешь: новый нѣмецъ держится такого соображенія, что, ежели бумага все терпитъ, то и отъ слова ничего не станется.

Посмотрѣлъ Петръ на Ивана, почесалъ въ затылкѣ и спрашиваетъ:

— А онъ у васъ безсмертный?

— Кто?

— Да новый управитель вашъ?

— Ну! Скажешь тоже! Кто смерти не подвластенъ?

Единъ Богъ безсмертенъ. Всѣ помремъ, — и управитель помретъ.

Засмѣялся Петръ. Еще спрашиваетъ:

— А къ мѣсту своему онъ у васъ какъ — гвоздемъ прибитъ или винтомъ привинченъ?

— Господь съ тобою? Зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобы господа его съ мѣста убрать не могли и посадить другого, а тотъ съ васъ остатныя шкуры спуститъ, которыя еще послѣ перваго нѣмца на тѣлѣ живутъ.

Покосился Иванъ съ неудовольствіемъ.

— Ужъ ты, Петръ, всегда про господъ! Нѣтъ въ тебѣ къ нимъ пріятности... А они, братъ, ежели съ ними лойяльно, люди ничего себѣ, право, ничего: вотъ — попросили мы у нихъ довѣрія, — они намъ довѣріе оказали... Это не шутка, братъ, съ господскимъ довѣріемъ жить! Довѣріе — сила! Довѣріе заслужить и оправдать надо!

Опять засмѣялся Петръ.

— Довѣріе? А ты, Иванъ, это слово понимаешь?

— А чего въ немъ не понять? удивился Иванъ. Довѣріе — такъ оно довѣріе и есть.

— Да хоть бы то понять надо: кто въ чьемъ довѣріи то нуждается, кто у кого довѣрія долженъ искать? А то больно ужъ глупо это у васъ выходитъ. На всемъ бѣломъ свѣтѣ нынѣ господа народъ о довѣріи просятъ, чтобы народъ имъ довѣріе оказалъ, не гналъ бы ихъ прочь отъ себя въ три шеи, — а вы, въ своей деревнѣ, все предъ господами на колѣнкахъ стоите: не вовсе казните свой народушко, дайте передохнуть, — окажите намъ довѣріе, господа милостивые!

Поморщился Иванъ. Говоритъ:

— Да вѣдь это — мало ли что тамъ, какія вольности у васъ за рубежемъ!

Отвѣчаетъ Петръ съ хладнокровіемъ:

— Такъ вотъ и я лучше ужъ посижу тамъ, гдѣ вольности: за рубежомъ.

— Напрасно, — возражаетъ Иванъ. Ты, братъ Петръ, развратился сомнѣніями и утомился страхомъ. А истинно

повторяю тебѣ: бояться совсѣмъ нечего, новый нѣмецъ—честный и добрый.

— И давай вамъ Богъ, ребята! Только вотъ и тебѣ мой совѣтъ: заключите вы съ нимъ, съ вашимъ добрымъ нѣмцомъ, такой довѣчный контрактъ, чтобы не могъ онъ, нѣмецъ вашъ, ни помереть, ни характера своего перемѣнить, ни отъ господъ мѣста лишиться.

Обидѣлся Иванъ.

— Зубоскалишь все, Петръ, нельзя съ тобою серьезно говорить. Развѣ такое мыслимо?

— А, ежели немыслимо, то, стало быть, и весь этотъ твой разговоръ о добромъ нѣмцѣ — самый пустой. Брось! Былъ злой нѣмецъ, — померъ; посадили нѣмца добраго, — помретъ и онъ, либо смѣстятъ его: гадай, Иванъ, по пятницамъ, какого новаго чорта посадятъ. Пожалуй, хуже прежняго въ когти приметъ... Что, скажетъ, голубчики? что, чортовы куклы? отдохнули? жирами обросли? господскій страхъ позабыли?

— Нѣтъ, ужъ это — дудки! пріосанился Иванъ. Этого больше нельзя. Этого мы надъ собою не позволимъ!

— Такъ таки вотъ и не позволишь?

— Такъ таки вотъ и не позволю!

Ничего не сказалъ Петръ, только прищурился на брата:

— Ой ли?!

Покраснѣлъ Иванъ....

4.

Сталъ Петръ Ивана распрашивать про семью. Иванъ обрадовался перемѣнѣ разговора, — хвалится:

— О! — говоритъ, — живемъ прекрасно, съ прежнимъ не сравнить! Такое благорастворенiе воздуховъ, такое умягченiе природы... одно слово, весна! Слободы, братецъ ты мой, слободы этой самой — хоть обожрись! Вотъ

только одно горе: дочка Софьюшка у меня все хвораетъ, а то — живи, да Бога хвали.

— А что съ Софьюшкою?

— Эхъ, братъ! Нарекли мы ее Софіей, думали, что выростетъ премудрость, — анъ, вышла востра, да глупа. Познакомилась, живши въ Питерѣ, съ студентами и тоже, вродѣ тебя, Петруха, обучилась господъ не одобрять. Ну, покамѣстъ въ четырехъ стѣнахъ, съ оглядкою, — оно ничего... и самъ я люблю почесать языкъ на счетъ господъ, — что грѣха таить?... А Софьюшка — на люди: съ подобными то словами — вышла на Невскій, да во все горло ихъ и заявила!...

— Молодецъ — дѣвка! одобрилъ Петръ.

Но Иванъ возразилъ съ неудовольствіемъ:

— Чего молодецъ, если ей сейчасъ же за это конный городовой Фуллонъ шашкою щеку отрубилъ? А дворники ее съ ногъ сбили, на тротуаръ повалили, да. пожищами — сапожищами пиная, ребра ей переломали, чрево истоптали, на вѣкъ не человѣкомъ сдѣлали... Ужъ такъ намъ ее, бѣдненькую, жаль, такъ жаль...

— Славно! говоритъ Петръ. Хорошія дѣла творятся у васъ при добромъ нѣмцѣ! Нечего сказать, — есть за что записать въ поминанье!

— Теперича, — разсказываетъ Иванъ, — начальство Софьюшку держать въ Питерѣ больше не желаетъ, но прислало къ намъ въ деревню — вродѣ какъ бы для излѣченія.

— Вона! Да у васъ, въ деревнѣ, поди, и дохтуровъ то нѣту?

— Дохтуровъ нѣту. Они были, дохтура, — даже цѣлая тройка. Да, вишь ты, Сергѣя Петровича начальство на войну вытребовало изъ раненыхъ пули таскать; на Ивана Ивановича батюшка-понъ прогнѣвался, зачѣмъ въ кита не вѣритъ, который Іону-пророка поглотилъ, — такъ Ивана Ивановича инспекторъ Лилѣевъ и профессоръ Гурляндъ въ Камчатку сослали. А Исай Мойсеевичу, — какъ они будучи евреи, — становой приказалъ отъѣхать отъ насъ въ черту осѣдлости,

въ городъ Кишиневъ, а тамъ его, горемыку, какой то запасной сейчасъ же и закрушеванилъ...

— Чисто! воскликнулъ Петръ. Но Иванъ былъ непоколебимъ въ оптимизмѣ.

— Хотя дохтуровъ не имѣемъ, — пѣлъ онъ, — но спасибо начальству, не оставляетъ вниманіемъ, кажинный день урядникъ заходитъ дочку провѣдать, каково поправляется.

— Рада, небось, Софьюшка то?

— А Богъ ее знаетъ, что у нея на умѣ... Мало она какъ то съ нами, стариками, нонче разговариваетъ... Все больше молчитъ, про себя думу думаетъ, да иной разъ зубами скрипитъ... такъ что оно, порою, даже жутко!

Поникъ головою Петръ,—и совсѣмъ, какъ въ старыя времена, вырвалось у него:

— Черти!

А Иванъ подхватилъ:

— Вотъ и Софьюшка тоже говоритъ... Только и словъ отъ нея слышимъ — и направо, и налѣво: — Черти! Черти!...

— Да — что дочери? продолжалъ онъ. Отрѣзанные ломти! За то я сыновьями утѣшенъ. Намедни Алеха писалъ съ войны...

— Съ кѣмъ воюете то? нехотя, спросилъ Петръ, — за что?

— А Господъ его знаетъ, съ кѣмъ... Кажись, что съ бѣлымъ арапомъ, который за китайскими чаями живетъ. А — кто говоритъ съ фараономъ и воинствомъ египетскимъ, иже въ пучинѣ морстѣй. Тоже есть еще Кащей безсмертный... мало ли ихъ... непріятелей?!... Развѣ наше дѣло знать? Воля царская, а понимать ее мы не могимъ, потому что люди темные, — пущай господа понимаютъ...

— Ахъ, ты... — озлобился было Петръ, да и поперхнулся: съ такимъ безпредѣльнымъ добродушіемъ смотрѣлъ на него кроткій Иванъ во всѣ свои большіе, наивные голубые глаза. А Иванъ повелъ свою эпопею съ патріотическою гордостью и удовольствіемъ, точно читалъ вслухъ „Маленькое письмо“ А. С. Суворина:

— Хорошо, братъ, устроился на войнѣ мой Алеха! въ

большіе люди выходитъ! Пишетъ это онъ намедни, что—любезный нашъ тятенька! Въ первыхъ строкахъ сего моего письма кланяюсь вамъ и желаю добраго здоровья, и есмь я вашъ завсегдашній богомолецъ. А молиться у насъ, тятенька, весьма есть на что, потому что иконъ изъ Россіи наслали намъ видимо-невидимо. И всѣ онѣ чудотворныя, ибо каждая уже то чудо совершила, что къ намъ доѣхала. Потому что — которыя пушки къ намъ посылались, не дошли: генералъ Альтфатеръ укралъ; которыя перевязки — не дошли: полковникъ Вишневскій укралъ; которая теплая одежа, — не дошла: камергеръ Александровскій укралъ. А иконъ никто украсть не пожелалъ, и дошли онѣ къ намъ всѣ до единой, и это есть ихъ первое великое чудо. Хотя изъ господъ офицеровъ, которые невѣрующіе, полагаютъ, будто бы сіе не столь по благодати, сколь потому, что безъ окладовъ. И такъ много у насъ теперича этой святости, что мы оною, за неимѣніемъ болѣе надежнаго матеріала (генералъ Алексѣевъ укралъ!), блиндируемъ форты. Одначе, плохо помогаетъ, потому что непріятель супротивъ насъ — нехристь, и орудія у него наговоренная: прошибаетъ.

Еще извѣщаю васъ, любезный тятенька, что — хошя теперича прострѣленная моя рука не владаетъ, и лѣвую ногу лекарь отрѣзалъ по колѣно, окромя того правый глазъ вышибленъ прикладомъ, а зубы повыпали по причинѣ болѣзни, которая есть цынга, — но, при всемъ томъ, произведенъ я есмь въ унтеръ-офицеры и удостоенъ креста Св. Георгія для нижнихъ чиновъ и увольняюсь къ вамъ, тятенька, въ деревню, для вспомоществованія вамъ въ вашихъ полевыхъ трудахъ земледѣлія.

И еще извѣщаю васъ, любезный тятенька, что крѣпость, которую мы отъ врага защищали, мы оному непріятелю сдали, а — зачѣмъ мы въ ней сидѣли, того доложить вамъ не могу: — начальство приказывало. Но только было чрезвычайно какъ голодно и холодно, и опять же которыя пушки — не стрѣляли, и которые корабли не ходили, и которое наше военное начальство... тутъ, братъ Петра, у его, у Алехи, черниломъ клякса посажена...

— Ужъ это всегда такъ бываетъ, что — въ коемъ мѣстѣ про военное начальство, тамъ клякса садится. О непріятелѣ что Алеха пишетъ?

— Пишетъ: „а у непріятеля — усе!“

— Усе?

— „Усе — и даже сверхъ комплекта!“

— Ужъ это чего же больше, ежели усе!... А васъ, братецъ любезный Иванъ Селивановичъ, имѣемъ честь поздравить съ сынкомъ, георгіевскимъ кавалеромъ, — большую подмогу отъ него въ хозяйствѣ получите!... Сохи ему, конечно, теперича не поднять, — ничего: пущай Егоріемъ землю ковыряетъ... и то пахота!... Ахъ ты, горюнъ! Ну, распоясывайся, качай свои благополучія дальше...

— Сынъ Егорка, — медленно сказалъ Иванъ, съ легкимъ конфузомъ и скосивъ глаза на сторону, — сынъ Егорка въ Питерѣ. Убѣжалъ изъ деревни, потому что очень забоялся народа, не пустили бы краснаго пѣтуха. Тоже... кормилецъ... утѣшаетъ... ништо! Покуда, — пишетъ, — имѣю мѣсто не такъ, чтобы очень: — состою при участкѣ сдѣльнымъ сыщикомъ. Но, старшому угодивъ и чрезвычайно какъ много сицилистовъ по начальству предоставивъ, жду скораго повышенія: обѣщаютъ назначить директоромъ въ Горный институтъ. Ежели же сего не удостоюсь, остается мнѣ одно: издавать газету умѣренно-полицейскаго направленія съ объявленіями отъ министерства, которое будетъ въ силѣ...

— Бываетъ и хуже... На Софьюшку то, на сестру то родную, не онъ, не Егорка донесъ?

— Какъ тебѣ сказать, братецъ? Точной увѣренности не имѣемъ, но... конечно, каждому свой кальеръ дорогъ, и каждый своимъ случаемъ къ кальеру долженъ дорожить.

5.

Промолчалъ Петръ, только оглядѣлъ Ивана съ головы до ногъ. Оглядѣлъ и изумился: никогда Иванъ щеголемъ не

былъ и обмундировкою не красовался, но теперь — ужасъ что: на плечахъ рубище дырявое, на ногахъ лапти стоптанные.

— Говоришь ты: управитель у васъ добрый, — сказалъ Петръ. Отчего же ты, милый человѣкъ, такъ горестно оборвался?

Иванъ отвѣчаетъ съ гордостью:

— А это мнѣ за мое вольномыслiе и свободное слово.

— Ну?

— Я же тебѣ сказывалъ: при новомъ управителѣ у насъ кто хошь говори, что хошь!

— Ну?

— Но, ежели ты злоупотребляешь довѣрiемъ...

— Ахъ, „довѣрiемъ“?! Ну?

— И, взамѣнъ здравыхъ понятiй, разводишь празднословiе и безсмысленныя мечтанiя...

— Ну?!

— То — сейчасъ тебѣ, по первому разу, штрафъ: что ты сработаешь,—не моги продавать въ розницу; опять провралъся,—другой штрафъ: не моги продавать и оптомъ; еще разъ провралъся, — третiй штрафъ и шабашъ! закрывай лавочку: совсѣмъ работать не моги!

Ужаснулся Петръ.

— Вотъ такъ разбой! Это хуже базарнаго правежа! То то ты, бѣднята, изъ сапогъ въ лапти переобулся! Ахъ, горемычный!... А еще меня назадъ зовешь! И часто этакъ твою шкуру свѣжуютъ? каждый день или есть льгота на праздники?

Потупился Иванъ.

— Ужъ и каждый день!... Не все же... А конечно, безъ строгости нельзя... Но, за всѣмъ тѣмъ, я тебѣ истинно говорю: можно подъ новымъ управителемъ жить... Пойдемъ домой, Петра! давай на сходкахъ кричать!

Ухмыляется Петръ.

— А что, Иванъ, сколько лѣтъ ты на сходкахъ кричишь?

Подумалъ Иванъ.

— Много!

— А много выкричалъ?

— Ну-у-у... всетаки!

— Не утѣшай себя, братъ Иванъ: ничего ты себѣ не выкричалъ. Что барами дадено, только то у тебя и есть. А даденъ то тебѣ — по русски шишъ, а по нѣмецки кукишъ. А сказать ли тебѣ, Иванъ, почему это оно такъ выходитъ, что—сколько ты ни кричишь, ничего тебѣ изъ крика твоего не родится?

— А ну? полюбопытствовалъ Иванъ.

— Потому оно такъ, Ваня, что ужъ больно съ оглядкою ты кричишь. Сперва оглянешься, потомъ крикнешь, а потомъ, крикнувъ, опять по сторонамъ оглянешься: неравенъ часъ, сохрани Господи, не слыхалъ ли тебя кто прохожій — чужой человѣкъ?

Загрустилъ Иванъ.

— Это, пожалуй, правда твоя, Петръ, что я въ натурѣ своей слишкомъ много осторожности имѣю. Но, съ другой стороны, какъ же безъ оглядки то?

— А вотъ, Иванъ, недалеко ходить за примѣромъ: твоя дочка Софьюшка, пожалуй, вѣдь, и не оглядывалась, когда по Невскому съ студентами шла?...

Почесался Иванъ.

— Ну, ужъ это послѣднее дѣло — съ своихъ дѣтей примѣры брать! Яйца курицу не учатъ! Что жъ, что не оглядывалась? За то ей конный городовой Фуллонъ щеку и отрубилъ!

— А гдѣ, Иванъ, ты былъ, что ты дѣлалъ въ то время, какъ дѣтище твое кромсали шашками?

Сконфузился Иванъ.

— Я... жалѣлъ...

Посмотрѣлъ на него Петръ пристально:

— Жалѣльщикъ ты, жалѣльщикъ!

Сильно сталъ не въ духѣ Иванъ.

А Петръ его зудитъ:

— Тоже, братъ, хоть и далека Сѣчь, но и газеты мы читаемъ, и письма получаемъ отъ сродственниковъ. Слыхали мы, какъ ты, — чѣмъ бы хорошій колъ въ руки взять, да

за дѣтище родное силою своею богатырскою заступиться, — за угломъ стоялъ, да жалкія слова причиталъ. Да еще и самъ потомъ его же, израненное дѣтище, корилъ и бранилъ, будто горячо оно слишкомъ, нетерпѣливо, полумѣръ не хочетъ, компромиссовъ не признаетъ, господамъ твоимъ и доброму управителю не вѣритъ, а твое вольномыслiе и свободословiе зоветъ маниловщиною и жалкою постепеновщиною.

— Милый ты мой другъ, Петръ,—объясняетъ Иванъ,— но пойми же и ты, что они, ребятишки, дѣйствительно, всю мою обѣдню портятъ. Я все лажу на тишь, гладь и Божью благодать, а ребятишки на стѣну лѣзутъ. А ты, Петруша, какъ хочешь: вѣрь мнѣ или не вѣрь, но, если бы не эти ребячьи бунты, совсѣмъ было я, черезъ добраго управителя, съ великодушными господами нашими на счетъ „сѣверныхъ народоправствъ“ уговорился.

6.

Свистнулъ Петръ. Показываетъ пальцемъ въ поле:

— Видишь, собака бѣжитъ? Порода — бульдогъ. Хороша?

Посмотрѣлъ Иванъ.

— Песъ солидный. Не то, что на волка, — хоть и на медвѣдя.

— Такъ вотъ поди ты, — уговори ее, чтобы она тебѣ позволила ей зубы вырвать.

Очень обидѣлся Иванъ.

— У тебя, братъ Петръ, въ Сѣчи твоей сталъ заходить умъ за разумъ. Что ни скажешь, все какое то безсмысленное, невозможное.

— А то, на что ты уповаешь, еще невозможнѣе. Уговори бульдога зубы себѣ вырвать, — тогда я повѣрю, что ты и господъ на „сѣверныя народоправства“ уговоришь!... А—что домой зовешь, на томъ спасибо,—только не зачѣмъ, не пойду: довольно моей спины напрасно порото — порись,

братъ, самъ, ежели еще вгерпѣжь и не стыдно! Истинное тебѣ слово говорю, Иванъ: тоска мнѣ и смерть на чужбинѣ, хоть и воля кругомъ, и рай земной. А назадъ, всетаки, не пойду. Потому что есть, Иванъ, нѣчто такое въ душѣ человѣческой, что ей даже и родины дороже, — и съ утратою того человѣкъ обращается либо въ скота, либо въ звѣря! Зовется оно, Иванъ, человѣческимъ достоинствомъ, и ужъ больно мудрено, Иванъ, слишкомъ тяжелый, мучительный, непрерывный подвигъ — сохранять его, живя въ вашей крѣпостной деревнѣ! Нехорошо, зазорно живетъ деревня, Иванъ, хоть и красиво ты разговариваешь. И даже такъ тебѣ скажу, что, чѣмъ лучше ты разговариваешь, тѣмъ зазорнѣе она — жизнь то твоя рабья — выходитъ!... Нѣтъ, Иванъ! Ты зови меня къ себѣ въ тѣ поры, когда ты разговоры красивые оставишь, а возьмешься за умъ — искать себѣ воли дѣломъ. На дѣлѣ я съ тобой хоть помереть радъ, а на завалинкахъ съ тобою сидѣть, да языкомъ лясы точить, за это, братъ, не то, что спиною,—ногтемъ поплатиться жаль! не стоитъ!

А, — какое дѣло тебѣ надо дѣлать, — ты, если самому тебѣ старые мозги замстило, поди, спроси дочку свою Софьюшку, которой конный городовой Фуллонъ щеку отрубилъ. У нея и голова будетъ посвѣжѣе твоей, да и сердце молодое, отзывчивое. Глупости эти, что яйца курицу не учатъ, ты, Иванъ, брось: поди и спроси Софьюшку, а она укажетъ.

Горитъ у меня душа вернуться къ тебѣ, Иванъ. Хорошій народъ запорожскіе казаки, да все—чужіе, а ты мнѣ братъ родной. Но вернусь я къ тебѣ, когда ты, Иванъ, перестанешь расчитывать ариѳметику эту рабью: какой управитель злой, какой добрый, что при одномъ управителѣ можно, чего при другомъ нельзя, котораго надо бояться, а котораго — хоть съ масломъ въ кашѣ ѣшь. Вернусь я къ тебѣ помогать и о бокъ тебя стану, когда рѣшишься ты сказать всѣмъ своимъ управителямъ—и злымъ, и добрымъ—прямо въ глаза:

— Желаю я, Иванъ, отнынѣ быть самъ по себѣ. Подите вы отъ меня къ чорту, коли хотите быть живы!

А потомъ, Иванъ, пойдешь ты къ господамъ своимъ безъ

доклада, войдешь къ нимъ безъ поклона, и станешь ты предъ ними, могучій и грозный, и скажешь имъ, господамъ своимъ, рѣшительное, твердое слово:

— Не хочу я больше и не позволю управителей вашихъ, хоть ангела съ небеси управлять пригласите. И не смѣйте, и не пробуйте мнѣ ихъ навязывать: не хочу. А хочу я и самъ найду такого управителя, чтобы былъ онъ безсмертный, и чтобы нельзя было его вамъ, господа почтенные, съ мѣста въ три шеи прогнать, и — чтобы и мнѣ, Ивану, и вамъ, господамъ, того неизмѣннаго управителя одинаково слушаться. А, кто управителя слушаться не станетъ, тому скатертью дорога на всѣ четыре стороны — въ чужое царство, въ не наше государство!... Живите тамъ, коли вамъ больше угодно, сами по себѣ, а мы будемъ сами по себѣ!

Слышишь, Иванъ? Чуешь, гдѣ дѣло, Иванъ? Вотъ когда будетъ, вотъ когда начнется дѣло, Иванъ!

7.

— Слышу, — отвѣчалъ Иванъ съ грустью. Не ново... Ты все свое, братъ Петръ!... Развѣ я спорю? Знаю самъ... Не возражаю... Но пойми же ты, упрямая голова: невозможно!... Противъ законовъ природы даже... Гдѣ я тебѣ такого безсмѣннаго управителя найду? Нѣтъ на свѣтѣ.

— Анъ есть! — сказалъ Петръ и посмотрѣлъ въ глаза Ивану. И не лукавь, Иванъ: ты самъ знаешь, что есть, и найти его, если міромъ искать, не такъ ужъ безнадежно. Только искать его надо, не на завалинкѣ сидя, и не съ пріятелями хорошія слова разговаривая на пирахъ-бесѣдахъ, вечеринкахъ-гостеваньяхъ... Ртомъ то поработано — пора руками, ногами работать!... Поди ты, Иванъ, въ дремучіе лѣса, въ топкія болота, въ широкія степи, что̀ темною, голодною и холодною Русью зовутся. Пройдешь ты, Иванъ, сторону безденежную, пройдешь ты сторону безграмотную, пройдешь ты сторону безхлѣбную, пройдешь ты сторону без-

рабочую, пройдешь ты сторону безсудную, пройдешь ты сторону безправную, пройдешь ты сторону беззаконную, пройдешь ты сторону безземельную, пройдешь ты сторону безправную, пройдешь ты сторону безвольную, и, пройдя тѣ девять сторонъ, упрешься ты въ сыръ-дремучій боръ. А въ томъ бору избушка, а въ избушкѣ живетъ богатырка — честная вдова, а той вдовѣ ни вѣка, ни смерти нѣтъ. И живетъ она, вдова, въ томъ бору и въ той избушкѣ — заточенная, а заточили ее, обманомъ и измѣною, господа наши — еще съ вѣчевыхъ временъ, когда они къ намъ на Русь наѣхали и нашу деревню въ удѣлъ взяли. И есть у вдовицы сынъ-богатырь, съ нею же живетъ въ заточеніи. И тоже нѣтъ ему ни вѣка, ни смерти. И имя той вдовѣ-богатыркѣ — Народная Воля, а сыну ея имя — Народный законъ. Вотъ, если ты вдову-богатырку въ дремучемъ бору отыщешь, изъ заточенія господскаго ее выведешь, а мудраго сына ея посадишь въ управители надъ собою и надъ господами, — тогда, Иванъ, дѣло твое будетъ правое и заживешь ты, какъ человѣкъ. А до тѣхъ поръ — другимъ собою не хвались и самого себя не обманывай: что съ управителемъ злымъ, что съ добрымъ, что подъ розгою, что подъ ласкою — такая твоя жизнь, что даже и не жизнь она, Ванюша милый!... Такъ — барахтающееся житіе, да и то, братъ, — холопское!

Римъ, 6 (10) января 1905 г.

